

Юрий Нестеренко

Друг

Писатели не так уж редко предваряют свои повествования рассказом о реальном событии, вдохновившем их фантазию. Настала пора и мне поддержать эту традицию - хотя, на самом деле, то, что стало отправной точкой для этого рассказа, нельзя даже назвать событием, историей или происшествием. Так - мимолетная мысль, мелькнувшая при взгляде на чужое лицо, и не более чем. Тем не менее, это запало в мою память и остается в ней и почти два десятилетия спустя. Итак, дело было в конце 2000-х, еще до моей эмиграции - место действия, таким образом, очевидно, но все же не стану упоминать никакие топонимы во избежание ненужных здесь политических ассоциаций. Я и тогда работал в основном дома, а по вечерам, если погода была хорошей, отправлялся гулять по окрестностям, стараясь по возможности разнообразить свои маршруты. В тот летний вечер я прогуливался вдоль набережной главной городской реки; погода была теплой и солнечной, но мое настроение, как и обычно во время таких прогулок - меланхолическим (позже на том же самом месте родилось стихотворение *Verzweiflung*). Я остановился возле моста и некоторое время стоял, глядя на серую воду, а потом повернулся, чтобы идти дальше, и увидел девушку, шедшую мимо. У нее были длинные темные волосы, а лицо... Она была красивой - не "ослепительной", не "сногшибательной", ничего общего с гламурными накрашенными куклами, которых я ненавижу всю свою жизнь (и считаю безобразными, даже если они одарены правильными чертами от природы). Нет - ее красота была естественной, по-моему, там вообще не было косметики, а если и была, то в глаза не бросалась. Но меня впечатлило не это - а выражение этого лица. Оно было очень грустным. Она не плакала, но - как, по крайней мере, мне показалось - это было лицо глубоко отчаявшегося человека. Мне захотелось подойти к ней и сказать: "Девушка, извините, что лезу не в свое дело, но у вас очень грустный вид. Может быть, я могу вам чем-то помочь?"

Конечно же, я этого не сделал. С вероятностью более 90% я бы нарвался на ответ типа "отвали, козел!" - возможно, более вежливо сформулированный, но суть от этого не меняется. В том маловероятном случае, если бы она все же захотела обсуждать со встреченным на улице незнакомцем свои проблемы - скорее всего они оказались бы сексуального характера, от "поссорилась со своим парнем" до "забеременела". Что автоматически уничтожило бы всякий интерес и сочувствие с моей стороны. Но даже если ее проблемы касались чего-то, что не подорвало бы мое к ней уважение - чем бы я мог ей помочь, не имея ни денег, ни связей, ни практически полезных умений типа "набить морду обидчику"? Абсолютно ничем. Разве что выслушать, сочувственно кивая. Да и то - в эпоху интернета всегда можно найти, перед кем выговориться. Анонимных чатов сколько угодно.

Так что я не двинулся с места, и она прошла мимо, даже не взглянув в мою сторону. Несколько секунд у меня еще было искушение ее догнать, но я сказал себе, что это уже совсем глупо. Тогда она уж точно решит, что я к ней пристаю. А может, на самом деле она и не была такой грустной, как мне показалось - в конце концов, я наблюдал за ней считанные секунды. Может, просто задумалась о каких-то бытовых хлопотах - не радостных, но и отнюдь не трагических... И нет, она не поднялась на мост и не бросилась с него в реку. Просто ушла дальше по набережной. Как я уже сказал, тут нет никакой истории.

Разумеется, я поступил - а точнее, не поступил - правильно. И все же, раз я помню этот эпизод до сих пор, у меня возникло искушение пофантазировать, что могло бы быть, если бы я все же решился к ней подойти - помимо тех наиболее вероятных вариантов, что перечислены выше. Так родился этот рассказ. Несмотря на то, что его сюжет вымышлен, лирический герой в нем максимально тождественен автору - включая реальные факты из моей биографии.

- Девушка, извините, что лезу не в свое дело, но у вас очень грустный вид. Может быть, я могу вам чем-то помочь?

Большие карие глаза взглянули на меня выжидательно и, как мне показалось, с надеждой. Во всяком случае, я не увидел в них брезгливой готовности немедленно отшить приставалу. Хотя - что я знаю о женских глазах? До этой минуты я никогда в жизни не заговаривал с незнакомой девушкой на улице... Так что я поспешно, пока меня не перебили, продолжал:

- Понимаю - звучит как неуклюжая попытка уличного знакомства, но дайте мне одну минуту, - я поднял указательный палец, - на объяснение, и если оно вас не устроит, я уйду. Видите ли, у меня самого не раз бывали суицидальные мысли. Но я, как видите, живой. Вот я и подумал, что, если вдруг вы думаете о... чем-то подобном, то мы могли бы просто поговорить. Знаете, как в поезде, когда люди рассказывают о себе попугачу, потому что знают, что больше никогда в жизни его не увидят. Правда, далеко не все готовы выслушивать подобные откровения, многих они, наоборот, раздражают. Но вот как раз я готов. Просто посидим где-нибудь... - я сообразил, что она может воспринять это, как приглашение в ресторан, каковые расходы вовсе не входили в мои планы, и поспешно добавил, - на лавочке, в людном месте, не думайте, я вас никуда не заманиваю... вы мне расскажете, о чем захотите, быть может, вам станет легче. А потом я просто уйду, не спрашивая ни вашего имени, ни каких-либо координат для связи... если, конечно, сами не захотите их сказать.

Был ли мой порыв чистым альтруизмом? Не совсем. Писатели - на самом деле хищники, которые всех людей рассматривают как свою законную добычу на предмет выудить интересную историю, или хоть какой-нибудь фактик или эпизод, пригодный для дальнейшего использования. Когда б вы знали, из какого сора, да. Но в то же время, будь на месте симпатичной девушки усталая обрюзгая тетка за сорок, никакого желания выслушивать ее истории у меня бы не возникло. Как, на самом деле, я никогда не принимал участия и в поездных разговорах, сразу же забираясь на специально купленную верхнюю полку, чтобы исключить всякую коммуникацию с соседями. А этой девушке мне искренне хотелось помочь. Не для того, разумеется, чтобы потом затащить ее в постель - уж у кого-кого, а у меня такой мотив точно отсутствует! А просто, если видишь, что что-то красивое сломано - хочется это починить, ведь так?

Хотя на свете множество людей, у которых красивое, наоборот, вызывает жгучее желание сломать это и изгадить...

Лицо незнакомки, еще недавно казавшееся застывшей маской отчаяния, внезапно озарилось широкой, почти счастливой улыбкой.

- Ты все-таки пришел, - сказала она. Голос у нее тоже был приятный - не слишком высокий и не низкий, как раз такой, как мне нравится. - Я так надеялась тебя сегодня встретить.

Признаюсь, меня несколько покорибил этот мгновенный переход на "ты". Я был уже давно не тинейджером, а мужчиной за 30, пусть и вполне молодо выглядящим, и к тому времени я уже принял решение быть на "вы" со всеми, кроме близких родственников - не только для того, чтобы держать дистанцию, но и потому, что это, опять-таки, красиво. Но в этой счастливой улыбке не было ничего от вульгарности современных девиц, ненавистной мне точно так же, как и гламур. Это выглядело, как искренняя радость от встречи с близким человеком. С давно потерянным и вновь обретенным братом, возможно.

Я даже несколько обалдел от такой реакции. Это было слишком романтично, чтобы быть правдой. Уж не принимает ли она меня за кого-то другого? Может, у нее как раз возле этого моста назначено свидание с кем-то, кого она раньше не видела? Хотя слова, с которыми я к ней обратился, в такой сценарий не вписывались. А может быть - да, у меня мелькнула и такая мысль - передо мной ловкая мошенница, надеющаяся втереться в доверие и развести меня на деньги? Правда, мой потрепанный джинсовый костюм совсем не свидетельствовал о богатстве, но мало ли...

- Я только хочу, чтобы вы... - я сделал над собой усилие, - ты понимала, что я искренне хочу тебе помочь и поддержать, но я не обещаю никаких чудес. Я не бизнесмен, не адвокат и даже не профессиональный психолог.

- Мне не нужны ни бизнесмены, ни психологи, - пренебрежительно ответила она, смешно наморщив нос. - Мне нужен друг.

- Друг, - повторил я. - Это хорошее слово. Но очень ответственное.

- Именно так, - серьезно кивнула она. - Я не люблю тех, кто им бросается. Друг - это не просто приятель. Это тот, ради кого можно без сожалений пожертвовать... многим.

Если бы она сказала "всем", меня бы это, пожалуй, напугало. А так - она фактически процитировала мое собственное определение дружбы.

- Так где твоя лавочка? - осведомилась она уже другим, веселым тоном, явно отдавая инициативу мне. Но я решил, что ей будет спокойнее, если она сама выберет маршрут.

- Есть у тебя какое-нибудь любимое место? - спросил я.

- Ну, тут, на набережной, только выхлопными газами дышать, но можно дойти до одного маленького парка - ничего особенного, пруд и скамейки вокруг, но скамейка с восточной стороны стоит на высоком месте над прудом, и оттуда красивый вид на него весь, особенно когда в воде отражается закатное небо. Я там часто бываю по вечерам. Но туда идти километра три.

- Ничего, - заверил ее я, - я люблю гулять. Часто брожу, вообще не задумываясь, куда иду.

- Вот-вот, - кивнула она, - я сегодня тоже шла, куда глаза глядят... не знаю, куда бы зашла, если бы не встретила тебя.

Я подумал, что, возможно, мои опасения насчет суицидальных мыслей были не напрасными. Но она уже снова улыбнулась:

- Идем... Виталий.

И вновь меня обожгло неприятное чувство, что меня принимают за другого. Вот сейчас недоразумение разрешится, она скажет "извините, обозналась" и уйдет. Одна. А я, с моим "богатым" опытом общения с девушками, не сумею ее остановить. А возможно, и не захочу. Кто такой этот Виталий?

- Я - Юрий, - представился я.

- Да, - кивнула она, но не назвала в ответ собственного имени (которое я обещал не спрашивать). - Да, конечно. Просто ты напомнил мне Виталия. Он был моим другом в детстве. Лучшим... а по сути, единственным. Представь, даже когда нам было по восемь лет, он настаивал, чтобы его называли полным именем - Виталий. На "Витю" не соглашался, чтобы не путали с Виктором. Серьезный такой был мальчик, хотя и выдумщик.

- Да, и впрямь как я в детстве, - согласился я. - Я, правда, на полном имени не настаивал, хотя на тетрадках всегда писал его, в отличие от большинства одноклассников. Но тоже был серьезный и выдумщик. Во дворе меня "Профессором" звали, и я гулял с ребятами на 3-4 года старше. Не шпана какая-нибудь, обычные ребята. И им было со мной реально интересно - я рассказывал им истории, которые сочинял на ходу. Пара подружек-сверстниц у меня тоже была. А когда мне было 12, мы переехали с окраины сюда в центр, и на новом месте я уже никаких знакомств не завел и ни с кем не общался.

- У меня тоже отняли Виталия примерно в этом возрасте, - сказала девушка.

Я подумал, что "отняли" - довольно резкая формулировка, когда речь идет просто о переезде, но, действительно - а как должен воспринимать ребенок вынужденную разлуку с другом? Тем более что, в отличие от меня, не очень-то дорожившего своей дворовой компанией, у нее этот друг был лучшим и единственным...

- Да, - сказал я вслух, - взрослые никогда не спрашивают мнения детей, просто ставят их перед фактом. Хотя я-то на переезд был согласен, из однокомнатной в двухкомнатную, как-никак... Было бы, конечно, очень романтично, если бы мы и впрямь оказались друзьями детства, случайно встретившимися через много лет и сперва не узнавшими друга. Прямо готовый сюжет

для рассказа. Но, сама понимаешь, это невозможно уже чисто по возрасту. Мне, вообще-то, уже 34, так что, когда тебе было 8...

- Тебе было уже 21, - тут же подсчитала она. - Столько, сколько мне сейчас. Конечно, я понимаю, что ты - не он. Но это неважно. Я не сказала, что мне нужен Виталий, которого я все равно помню только маленьким мальчиком. Я сказала, что мне нужен друг.

Мы уже оставили позади набережную и шагали по узким улочкам и переулкам, изобилующих магазинчиками и кафешками.

- О, - воскликнула девушка, указывая на стеклянную дверь под вывеской кофейни, - тут я бывала. Тут делают хороший капучино. Зайдем?

Мне эта идея совсем не понравилась, ибо, как я уже сказал, подобные расходы не входили в мои планы, даже при оплате "каждый за себя". Я вообще никогда не ем ни в каких подобных заведениях именно потому, что дорого. Причем дорого там абсолютно все - не только какие-нибудь блюда, которые сложно приготовить самому, но даже простая чашка чая с булочкой, которые дома мне почти ничего не стоят что по деньгам, что по времени. Так что тратиться даже на символический заказ я не собирался, а напрашиваться на то, чтобы девушка меня угостила, считал непорядочным. Спаситель и друг, ага - "выслушаю вашу исповедь за еду"...

- Я не пью кофе, - сказал я, что тоже было чистой правдой.

- Ну разумеется, - хохотнула она, словно услышала что-то смешное. - Это и не обязательно. Просто посидишь там со мной.

Я пропустил ее в двери и вошел следом. Мы сели за свободный столик. Подошел официант, моя спутница заказала свой капучино. Со мной официант не заговорил, лишь покосился вопросительно, но я так же молча покачал головой. Его это, похоже, ничуть не удивило - не то чтобы мой джинсовый костюм делал меня похожим на бомжа, но все же обычно в это заведение заходили люди более пижонистые. Да и вообще опытные официанты чаще всего с первого взгляда различают, кто клиент, а кто просто так зашел.

Я думал, что тут девушка и начнет рассказывать о себе, но она молчала и лишь поглядывала на меня с хитрым заговорщицким видом. Я не понимал значения этих взглядов и лишь столь же безмолвно улыбался в ответ. Смотреть на ее милое лицо, избавившееся от печати безнадежной грусти, было приятно, и я даже подумал, что выражение "тепло на душе" - не такая уж и метафора.

Девушка допила свой капучино с круассаном, расплатилась, и мы продолжили путь. Несколько минут спустя мы вышли на узкую пустую улочку, почти всю ширину которой занимали трамвайные рельсы, но не было ни трамваев, ни машин, ни других пешеходов. Мы пошли прямо по рельсам; это не было опасно - появившись все-таки трамвай, мы бы увидели и услышали его издали - но в этом было что-то романтическое. Я подумал, что еще романтичнее картину сделали бы осенние листья, но был только июнь.

- Нас убьют за то, что мы гуляли по трамвайным рельсам, - сказала вдруг девушка. - Песня Янки Дягилевой. Слышал?

- Не то чтобы я фанат ее творчества, но вот эту песню слышал, - кивнул я. - Странно - думал, твое поколение уже не помнит это имя.

- Что значит "поколение"? - вдруг рассердилась она. - Нет никаких поколений! Каждый человек сам по себе. Вот ты намного старше меня, а с тобой мне куда комфортнее, чем с этими придурками - моими сверстниками. Вообще терпеть не могу, когда меня записывают в какую-то общность. Поколение там, национальность, место жительства... Судить о личности человека по году рождения так же глупо, как по цвету глаз или размеру обуви.

- Или записывать в одну категорию асфальт и слона лишь на том основании, что они оба серые, - кивнул я. - Я вообще-то тоже не люблю эти искусственные деления. Поколения бывают у техники. Вышел новый процессор - сменилось поколение компьютеров. А у людей их устройство уже сто тысяч лет не меняется.

- Но люди при этом разные, - сказала она. - И это вовсе не поколением определяется.

Мы еще поговорили о музыке, коей я вообще-то невеликий знаток, но общие вкусы нашлись - Шевчук, Башлачев, "Крематорий", "Fleur"; она даже спела мне прямо на ходу пару песен "Ночных снайперов", о которых я никогда прежде не слышал - и таким образом мы дошли, наконец, до парка с прудом. Пруд, опоясанный асфальтовой дорожкой, находился в глубине котловины: вдоль этой дорожки тоже стояли скамейки, но там фланировали мамы с детьми, и туда мы спускаться не стали. Окружавшие пруд склоны были пологими с запада, но более крутыми и высокими с востока; мне пришло в голову вычитанное где-то слово "взлобок". И вот на этом взлобке и стояла та скамейка, откуда открывался красивый вид на пруд и где, в то же время, не докучали другие гуляющие. Позади проходило шоссе, но не настолько близко, чтобы шум или запах машин мешали наслаждаться покоем. Вокруг зеленела трава, кое-где сбрызнутая желтыми искорками цветов - не моих любимых одуванчиков, те уже отцвели, а каких-то других, более мелких.

- Ну а теперь, - сказал я, когда мы уселись, подставив лица клонящемуся к закату солнцу, - может, ты все-таки расскажешь, что у тебя стряслось?

И она рассказала. К счастью, никаких по-настоящему жутких и непоправимых трагедий, типа смертельной болезни или убийства, там не было - как не было и никакой сексуальной грязи и мерзости, чего я опасался даже больше. Ни "нищастных любовей", ни изнасилований. А просто - не прошла в художественное училище (жалко, невольно подумал я не только из-за сочувствия к ней - это училище недалеко от моего дома, и я мог бы встречаться с ней после занятий), вдрызг поругалась, на этой и не только на этой почве, со своей "психованной матерью" (это цитата), вот и ушла из дома, где оставаться было невыносимо, но откуда и идти было некуда. Ни друзей, ни подруг у нее не было - не с кем даже поговорить, не говоря уже о том, чтобы попроситься пожить хотя бы несколько дней. Не требовалось уточнять, почему у красивой и умной девушки нет друзей, во всяком случае, мужского пола - ясно было, чего хотели от нее те, кто выражал готовность "скрасить ее одиночество". И позже она сама это подтвердила, сказав "вот где бы я еще встретила такого парня, как ты - который не пытается залезть в трусы ни на первой, ни на десятой встрече?" То, что она разделяла мои антисексуальные взгляды, меня чрезвычайно обрадовало, но пока что надо было решать ее проблему. Денег, чтобы снимать жилье по безумным столичным ценам, у нее, очевидно, не было, да и вообще на человека, ушедшего из дома по-настоящему, она не походила. Из всех вещей у нее при себе была только прямоугольная матерчатая сумка на плече - большая, но плоская, внутри явно не было даже смены белья.

- Что у тебя там? - спросил я.

- Мои рисунки, - ответила она и достала альбом.

Я принялся его рассматривать, пока солнце еще не зашло. Нарисовано было здорово, но сюжеты были, прямо скажем, жутковатые. Например - отрубленные человеческие головы с птичьими крыльями вместо ушей, летающие по кроваво-красному небу. Или повар, пропускающий через мясорубку собственную руку - его мясистое лицо при этом остается совершенно спокойным, а на конце каждой... не знаю даже, как назвать - струйки, что ли? - фарша - по крохотному ногтю. Или старик, сидящий за столиком в ресторане - вместо обеих рук у него торчащие из обшлага пиджака собачьи головы, которые едят еду с его тарелки, а он смотрит на них с печальным видом, поскольку ему, очевидно, ничего не достанется. (Тут, конечно, в моем рациональном мозгу возник вопрос - если собаки являются частью его организма, так ли важно, что он ничего не ест собственным ртом? Но, очевидно, даже если он и получает необходимые калории, то точно не удовольствие от еды.) Или еще рисунок в темно-синих тонах - обнаженная девушка бежит по ночной улице, преследуемая стайей злобных псов. Кожа девушки покрывали параллельные темные полосы, как у зебры.

- Она не такая, как все, - сказала художница; предыдущие рисунки она не

комментировала. - Поэтому ее травят.

Не сказать, что лица двух девушек - нарисованной и живой - были очень похожи, но не требовалось особой проницательности, чтобы понять, кого имела в виду автор.

- Они идиоты, - сказал я. - Те, кто не приняли тебя в художку. Ты отлично рисуешь. Да тебе особо и не нужен их диплом, так же как писателю не нужен диплом литературного института. Таланту нельзя научить, он либо есть, либо его нет. У тебя он есть.

- Знаешь, я загадала, - сказала она, - если бы я не встретила тебя, я бы выбросила этот альбом в реку.

А может, и не только альбом, мрачно подумал я.

- Все равно никому не нужен, - продолжала она.

- Нужен! - твердо возразил я. - В первую очередь твое творчество нужно тебе, и это самое главное. Ну а теперь уже и мне тоже. Сюжеты у тебя, конечно, мрачные, но я люблю ужастики.

Я перелистнул страницу. Следующий рисунок изображал толпу голых людей, бесполых и безволосых, которые, стоя на коленях и упираясь лбами в землю, поклонялись распятой на возвышающемся над ними равноконечном кресте огромной собаке. На носу у собаки были очки в роговой оправе, а на голове - докторская шапочка. Крест венчала табличка с четырьмя буквами, но это были не христианские INRI, а MSCS. "Microsoft Corporation Suxx" - тут же расшифровалось в моем мозгу давнего компьютерщика, но вряд ли художница имела в виду это.

- Что это значит? - я указал пальцем.

- Mens sana in corpore sano. Это Бог медицины. Если прочитать "God" наоборот, получится "Dog".

Она не стала переводить для меня ни латынь, ни английский, не сомневаясь, что я пойму, и мне это польстило.

- Ты, как видно, не любишь собак, - заметил я. - Они тебя кусали? Меня вот в детстве однажды покусали, но я не приобрел на этой почве никаких комплексов.

- Нет, - возразила девушка. - Глупо любить или не любить всех собак. Они такие же разные, как и люди. На самом деле, они лучше людей. Если пес злобный - это видно сразу. Он не будет вилять хвостом и притворяться твоим другом только для того, чтобы укусить тебя как раз в тот момент, когда ты поверишь и протянешь руку.

Последний рисунок в альбоме изображал мужчину и девушку, сидящих на скамейке. Черты лица девушки на сей раз были хорошо узнаваемы. А вот у мужчины лица не было вовсе - только пустой овал.

- Кто это? - спросил я, уже зная ответ.

- Ты. Я же не знала, как ты выглядишь. Теперь знаю и дорисую.

- Только, пожалуйста, без собачьих голов и всего такого, - усмехнулся я.

- Нет, конечно. Это же не они все. Это Мы.

Солнце садилось. Закат был золотисто-рыжим, но в воде пруда приобрел более густой и темный оттенок - красивый, но мрачный, прямо как рисунки моей новой знакомой, чьего имени я до сих пор не знал. Что мне, однако, с ней делать прямо сейчас? Пригласить ее домой я не мог, ибо сам жил с родителями. Причем они не стали бы возражать, будь она моей давней подругой. Но - "привет, я тут встретил девушку на улице три часа назад, она у нас поживет немного - кстати, напомни, как тебя зовут?" Нет, это, безусловно, была плохая идея. И была бы таковой, даже будь я единственным обитателем квартиры. Хотя мне очень хотелось ей довериться, здравый смысл никто не отменял. Особенно учитывая мой предыдущий опыт, когда подруга, которую я знал несколько лет и которая, как она утверждала, разделяла все мои взгляды, в итоге оказалась насквозь лживой лицемерной дрянью, предавшей абсолютно все декларируемые идеалы и увенчавшей все это еще и финансовой нечистоплотностью после расставания. Я не могу рисковать, пока мы не узнаем друг друга лучше. Да и для нее самой было бы неоправданным риском принимать такое приглашение от едва знакомого мужчины.

- Думаю, теперь тебе все же стоит вернуться домой, - осторожно сказал я. - Если мать снова будет на тебя орать, просто поставь ее на место. Любой домашний тиран сдувается, когда встречает твердое сопротивление. Ты совершеннолетняя. Она не имеет над тобой никакой власти.

- Ее поставишь, - вздохнула девушка. - Она же ненормальная.

- Ну, что значит ненормальная...

- То и значит. У нее диагноз - шизофрения.

Вот так я и узнал, что "психованная" - вовсе не эмоциональный эпитет. И что проблема куда серьезнее, чем я ожидал.

- От нас поэтому отец ушел, - продолжала девушка. - Когда я еще совсем маленькая была. А может, еще до моего рождения, я его совсем не помню... Она ему соврала про свой диагноз. Ну, то есть не прямо соврала, а просто не сказала, когда он за ней ухаживал. Пока она таблетки принимает, она вроде как нормальная... ну, почти. Но это только до следующего обострения. А если таблетки не пить, то тем более. От нее не только муж сбежал - от нее все шарахаются. У меня поэтому в детстве и подружек не было.

Потому-то и Виталия "отняли", понял я. Это был не переезд. Ему просто запретили общаться с дочкой "этой психической".

- Как же ее не лишили родительских прав? - удивился я.

- Хорошо, что не лишили! - возразила девушка. - Уж лучше такая мать, чем детдом. Там бы я точно повесилась. А она, когда на таблетках сидит, я ж говорю - почти нормальная. Ну, истерики закатывает периодически, но их ведь не только шизофреники закатывают...

- А она не опасна?

- Физически - нет. Орет только. Ну или наоборот - на колени бухается и рыдает, это еще хуже. Вот ты говоришь - давать отпор, ставить на место... если на тебя орут - можно наорать в ответ, если бьют - ударить, хотя этого, как я сказала, она не делает... а что делать, когда собственная мать перед тобой в слезах на коленях ползает, за ноги тебя хватает и умоляет что-то сделать? Тоже на колени бухнуться? Что угодно сделаешь, чтобы только это прекратить...

- А во время обострений? Тоже не опасна?

- Тогда ей просто мерещится всякое. Сидит, бубнит, с "гостями" своими беседует. Но ничего страшного сделать не пытается - в окно там выйти, хотя у нас первый этаж и решетки, или пожар устроить, хотя у нас все электрическое, никакого открытого огня, и везде датчики и предохранители, чтобы само отключалось при перегреве... В общем, жить с этим можно, если приспособиться. Тем более, еще я на контроле. С детства приучена за ней приглядывать и обострения ее скрывать, чтоб в детдом не забрали.

- А отец что? Совсем не помогает?

- Так он погиб давно. Он летчик был, разбился в большой авиакатастрофе под Арзамасом.

- И больше никаких родственников нет? Бабушек-дедушек там?

- С ее стороны точно нет, она сама детдомовская. С отцовской, может, кто и остался, но я их не знаю, и им на меня плевать.

- Ясно... Ну, теперь-то тебе детдом точно не грозит. Не думала квартиру разменять?

- А как? Она - единственный собственник. Когда приватизировали, я еще маленькая была, так что все права у нее. Пока я была несовершеннолетней, она хоть по закону обязана была меня содержать. А сейчас имеет полное право выставить из дома в любой момент. Или хуже того - квартиру продать, меня не спрашивая, и оставить нас обеих бомжами. Формально-то она дееспособной считается. Уже даже грозились мне этим, если слушаться ее не буду. А ты говоришь - власти у нее нет. По закону, может, и нет...

- И с деньгами у тебя, конечно...

- Какие деньги? Живем на пенсию по инвалидности. Я пыталась продавать свои работы в интернете, но это дохлый номер. Говорю же - никому не нужно... А в кассирши какие-нибудь

идти - я на такой работе точно с ума сойду. Да и платят там копейки, на свое жилье все равно не хватит. Разве что в пригороде снимать и по два часа на дорогу в один конец тратить...

- Да, - согласился я, - для творческой личности это не вариант.

- Или в официантки - перед быдлом всяким лебезить в надежде на чаевые, а они чтоб меня за задницу хватали?

- Ни в коем случае!

- Вот то-то и оно.

- Значит, - подвел итог я, - придется тебе все-таки вернуться к матери и как-то с ней ужиться. По крайней мере, пока не найдешь приличную подработку в интернете.

Я ожидал возмущенных возражений, но девушка лишь печально вздохнула:

- Придется. Ладно, надо идти уже. Я ей хоть и наговорила, что насовсем ухожу, а все равно она орать будет, если слишком поздно вернусь, - она поднялась со скамейки.

Я тоже поднялся:

- Давай я провожу тебя до самого дома и поговорю с ней, чтоб она не ругалась.

- Ой, нет! - испуганно воскликнула она. - Этого никак нельзя!

Ну ясно, подумал я. "Ах ты шлюха, не успела из дома выйти, как уже хахаля себе завела!"
Вовсе не безопасность дочери беспокоит эту психованную гримзу, а контроль над ней. Я поймал себя на мысли, что уже желаю смерти этой совершенно незнакомой мне женщине, чтобы моя подруга, наконец, унаследовала квартиру и решила все свои проблемы. Хотя - если старуха (хотя - почему старуха? может, ей еще пятидесяти нет!) умрет, то исчезнет и единственный стабильный источник семейного дохода в виде ее пенсии по инвалидности. В моей голове тут же начал выстраиваться сюжет: убить, закатать тело в пластик и спрятать где-нибудь на антресолях, чтобы продолжать получать пенсию... ну, автор я ужастиков или не автор? Хорошо, что девушка не слышит мои мысли...

- Тогда куда тебя проводить?

Она назвала улицу, остававшуюся оживленной и в позднее время и, соответственно, вполне безопасную для возвращавшейся домой девушки. Туда можно было доехать на метро, но мы пошли пешком, продолжая беседовать - теперь уже я рассказывал о себе. Шли мы неторопливо, оттягивая момент расставания, но в конце концов неминуемо вышли к этой залитой огнями витрин и фонарей улице. Беседовать там было не очень удобно из-за шума движения, так что мы остановились на углу. Я спросил, не придется ли ей потом петлять по каким-нибудь темным переулкам, но она заверила меня, что отсюда ей идти совсем недалеко и безопасно.

- Приходи завтра в шесть на нашу скамейку, - сказала она. - Придешь?

Значит, это уже "наша скамейка". Интересно, что мы будем делать, если ее займет кто-то другой?

- Конечно, - ответил я вслух. - Могу и пораньше.

- Раньше, боюсь, у меня не получится выбраться. Но в шесть - точно, - она чуть помолчала и добавила: - Как же здорово, что мы все-таки встретились!

- погоди! - окликнул я ее, видя, что она собирается уходить. - Я хоть и обещал не спрашивать твоего имени, но, раз уж мы продолжаем общаться - думаю, все же должен его знать, - я широко улыбнулся.

- Конечно, - ответила она, но продолжения не последовало.

- Что "конечно"?

- Ты его знаешь.

- Откуда? Ты мне не говорила.

- Знаешь, - лукаво повторила она и посмотрела на меня таким же заговорщицким взглядом, как и в кофейне. - Как меня зовут?

Ну, подумал я, если после всех серьезных разговоров ей охота развлечься игрой в

угадайку, то почему нет. Гадать по принципу максимальной вероятности я не стал. Во-первых, я понятия не имел, какое женское имя было самым популярным в год ее рождения, а во-вторых, от меня явно ждали не решения задачи по матстатистике. Возможно, она просто хотела таким образом узнать, какое мое любимое женское имя - но для вариантов "Джессика", "Дженнифер" или "Эвелина" тут была явно не та долгота. Что же выбрать более подходящее для страны моего рождения? В первом классе у меня была подружка по имени Вика. В отличие от гораздо более длительных отношений с двумя подружками во дворе, эта дружба увяла всего-то месяца за три: другие мальчишки объяснили мне, что дружить с девчонками - это отстой, а ее, наверное, аналогично обработали представительницы женской половины класса, а может, она и с самого начала не очень-то дорожила этими отношениями. После второго или третьего класса она и вовсе перевелась в другую школу, так что о ней я не помню ровным счетом ничего, кроме ее имени и написанного ею коротенького стишка про олимпийского мишку (был как раз 1980 год), в двух строках которого я, тогда восьмилетний, уже совершенно профессионально нашел две смысловых ошибки (нет, это не было причиной нашего разрыва - это было уже после). Но вот имя "Вика" - что в краткой, что в полной форме - я с тех пор нахожу красивым (в отличие, кстати, от имен гораздо более верных дворовых подружек, в чем последние, конечно, ничуть не виноваты). Так что я сказал:

- Вика!

Девушка радостно захлопала в ладоши:

- Ну вот! А говорил - не знаешь!

- Что - правда? - изумился я. Неужели угадал? Имя, конечно, не самое редкое, но и не самое распространенное. С другой стороны, выигрывают же люди в лотерею даже при куда меньших шансах... Но, конечно, мой рациональный ум тут же подсказал мне не романтическое, а реалистическое объяснение: вероятно, она все еще не до конца мне доверяет (что разумно при столь кратком знакомстве) и перестраховалась на случай, если она захочет свернуть отношения, а я, типа, не успокоюсь и стану искать ее через интернет. И успехов найти "художницу Викторию", которая на самом деле вовсе не Виктория... А может быть и так, что ей самой не нравится ее настоящее имя, вот она и предоставила мне возможность подобрать ей более красивое. Что ж - не имею ничего против. Как говорится - бьют не по паспорту, и дружат тоже. Для меня она отныне Вика, и неважно, что написано в ее документах.

- Только, пожалуйста, не зови меня "Викуся", - серьезно добавила она. - Звучит, как "выкуси".

- Нет, конечно, - заверил ее я. - Сам терпеть не могу сюсюканья.

На следующий день я сидел на скамейке над прудом уже в половине шестого. Вика появилась где-то без четверти.

- Ты пришел! - счастливо воскликнула она.

- Конечно.

- Знаешь, я только теперь окончательно поверила, что мне это не приснилось.

- Как прошло с матерью? - спросил я.

- А... - Вика досадливо махнула рукой. - Теперь это все неважно. Важно, что у нас есть

Мы.

Так началась наша дружба. Хочу подчеркнуть - именно дружба, и не что иное, хотя и очень близкая. Это прекрасно - дружить с девушкой без всяких сексуальных мотивов с обеих сторон, явных или скрытых. И да - при этом важно, чтобы этих мотивов у нее не было не только по отношению к тебе, но и по отношению к кому-либо еще. Это не вопрос ревности - это вопрос чистоты. Но с этим у нас было все в порядке. Даже о поцелуях она отзывалась буквально моими словами - "не понимаю, что за удовольствие в том, чтобы мазать друг друга слюнями!"

Мы встречались почти каждый день, когда была хорошая погода. Иногда болтали, сидя на "нашей" скамейке, иногда бродили по городу. В кино или на иные развлекательные мероприятия

мы не ходили - нам вполне хватало общества друг друга. Это вообще довольно нелепая манера - приглашать кого-то в кино или на концерт. Если ты хочешь посмотреть фильм - иди и смотри фильм, зачем тебе спутник? А если ты хочешь пообщаться с человеком, то зачем тебе фильм? Одно отвлекает от другого. Впрочем, где люди, а где логика?

Порою она приходила на наши встречи совсем не радостная - мать снова доставала ее - но, завидев меня, тут же расцветала в улыбке. У нас ни разу не было не то что ссоры, но даже небольшого разногласия. Мы дружно ненавидели власть (хотя обычно все же старались находить более приятные темы, чем политика), смеялись над религией, презирали гламур и т.д. и т.п. Ну то есть нельзя, конечно, сказать, что мы совпадали всегда и во всем, но все расхождения были такими же непринципиальными, как то, что я, в отличие от нее, не люблю кофе (в кофейни она меня, кстати, больше не затаскивала - наверное, еще и потому, что для нее это тоже было дорого). Даже сюжеты ее рисунков стали куда менее мрачными. Нет, она не переключилась на эльфов на единорогах, никакой слащавой пошлятины, но всякие монстры теперь корчились по краям, бессильные прорваться в центр, где обитали красивые и сильные герои - не преследуемые жертвы, а победители. Эти герои не обязательно были парень и девушка, не обязательно двое, не обязательно вообще люди - но я не сомневался, что ее вдохновляло. Наш портрет на скамейке она, кстати, дорисовала, как и обещала, а потом еще нарисовала отдельный мой портрет крупным планом, с лицом на всю страницу. При этом в моих нарисованных глазах отражалось ее лицо. Мне очень понравилось. Я, в свою очередь, читал ей свои стихи. Ей тоже нравилось; она говорила, что и Виталий сочинял стихи, но у него выходило совсем не так хорошо (ну, прямо скажем, то, что я писал в одиннадцатилетнем возрасте, тоже было далеко от совершенства).

При всем при этом, однако, мы по-прежнему не знали ни адресов, ни телефонов, ни e-мэйлов друг друга. Нам это как-то не требовалось. Мы просто завершали каждый наш вечер традиционным "завтра на нашей скамейке во столько-то" или куда более редким "завтра у меня не получится, так что послезавтра". Если в планы вмешивалась погода, то у нас был уговор: короткий летний ливень - не проблема, приходим после него, а если дождь нудный и затяжной, переносим все на следующий день. Несколько раз, правда, бывало, что Вика не приходила и в хорошую погоду. Когда это случилось впервые, я просидел в парке до заката и здорово переволновался, подозревая, что ее психованная мать устроила что-то похуже простой истерики, или что случилась еще какая-нибудь беда. Но на следующий день Вика появилась целая и невредимая и очень извинялась за свое отсутствие. Она объяснила, что накануне ей нездоровилось, пришлось даже пить лекарства, но теперь уже все в порядке. Я подумал, что речь о типичном женском недомогании и ей неудобно обсуждать со мной подробности, так что лишь попросил ее в следующий раз уведомить меня e-мэйлом, если планы на вечер сорвутся. Надо сказать, я терпеть не могу пользоваться телефоном, а вот e-мэйл считаю самым подходящим средством связи, и еще во время второй нашей встречи я сообщил Вике свою фамилию, чтобы она могла найти информацию обо мне в интернете, включая мой сайт и электронную почту - но она, похоже, так этого и не сделала. Когда она не пришла в следующий раз - это было не через месяц, а через три недели - то на следующий день в ответ на мой мягкий упрек ответила, что писала, но, как видно, письмо не дошло. Я сделал вид, что поверил, но на самом деле сильно в этом сомневался. Спам-фильтры и в самом деле не так уж редко рубят нужные письма, но почему Вика упорно избегала давать мне свой e-мэйл? Я не настаивал, но и она не предлагала, хотя это, казалось бы, было естественным. Я решил, что Вика просто не хочет оставлять никаких следов нашего знакомства, которые могли бы обнаружить посторонние. Наверное, ее мамаша сует нос в ее почту, а Вика не решается защититься паролем, чтобы не показывать, что ей "есть что скрывать" (смартфонов в ту пору еще не было, и, скорее всего, в семье, живущей на пособие по инвалидности, был лишь один старенький компьютер на двоих). Можно, конечно, тереть все письма после прочтения и отправки, но что, если мать влезет в ее ящик еще до того, как дочь успеет проверить почту? Само собой, любое письмо от меня было бы совершенно невинным, как

и все наши отношения - но поди докажи это психически больной истеричке... Так что, когда Вика не пришла снова, я уже не беспокоился и не обижался, а просто сидел на нашей скамейке "за нас обоих", думая о завтрашней встрече - которая вновь состоялась, как ни в чем не бывало.

Со временем, однако, я стал замечать и некоторые другие нестыковки в словах моей подруги. Например, в день нашего знакомства она сказала, что ее не приняли в художественное училище. Позже выяснилось, что она проучилась там два года и сама забрала документы, разругавшись с преподавателями, поставившими незаслуженно низкие, по ее мнению, оценки ее курсовым работам. "Почему же ты сказала, что тебя не приняли? - Ты не понял, я сказала, что они не приняли мое искусство! Чего бы я вдруг только в 21 поступать стала?" Ну да, логично. Видимо, я просто не так расслышал. Хотя в этом случае становилось более понятным возмущение ее матери тем, что дочь, проучившись половину срока, бросила вуз, можно сказать, на ровном месте, от обиды на препода, не поставившего ей "отлично". Это уже не то же самое, что гнобить дочку из-за заваленного вступительного экзамена, когда та как раз нуждается в утешении - но эту мысль я, понятно, оставил при себе. Тем более что я сам максималист и перфекционист, не раз в своей жизни "хлопавший дверью".

Потом, ее отец. Я всегда интересовался темой авиации, но не помнил ни о какой крупной авиакатастрофе под Арзамасом, произошедшей за последние 20 лет. Проверил по интернету и убедился, что ее действительно не было. Разбивались только небольшие воздушные суда, да и те за много лет до рождения Вики. Правда, в 1988 - как раз подходящее время - в Арзамасе случилась крупная железнодорожная катастрофа, когда на сортировочной станции рванул товарняк со взрывчаткой. Погибли в основном жители близлежащих домов. Мог ли среди них каким-то образом оказаться столичный летчик? Ну, чисто теоретически, наверное, мог, мало ли - гостил у друзей... но ведь Вика сказала - авиакатастрофа! Или она просто неверно поняла рассказ собственной матери? Раз "летчик погиб в большой катастрофе", то непременно разбился на самолете? Даже и взрослый легко делает такую ошибку, а тем более ребенок. Я не придавал этому значения, но позже Вика вдруг упомянула, что ее отец был пожарным и погиб на пожаре. "Ты же говорила - он был летчик?" - удивился я. "Ну да, летчик. Они тушили с самолета лесной пожар, потеряли ориентацию в дыму и разбились." Вроде логично, но такая катастрофа - при всем уважении к летчикам, выполняющим этот едва ли не самый опасный вид авиационных работ - никак не тянет на крупную, а главное - что ее не было! Ни в каких списках авиационных происшествий она не значится! Ну что ж, подумал я, Вика - далеко не первый и не последний ребенок, которому мать-одиночка рассказывает сказки про героически погибшего отца романтической профессии. Который на самом деле был банальным пьяницей или случайным знакомым и, возможно, даже вполне еще живой, просто уклоняется от алиментов...

В общем, это были совершенно несущественные мелочи. Кто-то что-то недослышал и недопонял, и вообще, какое это все имеет значение? В чем я был совершенно уверен, так это в том, что Вика никогда мне не врет - даже в таких вот непринципиальных для меня мелочах. Что-то забыть или перепутать, конечно, может - точно так же, как и я сам, но никогда не говорит неправды сознательно. Как и я, она искренне презирала ложь - понимая, конечно, уместность таковой по отношению к врагам, но ни в коем случае не к друзьям. Друг, который врет - это не друг, и друг, которому нужно врать - тоже. Это был один из множества пунктов, в которых мы полностью сходились.

Но вот однажды... это была уже третья неделя сентября, и мы не виделись два дня из-за дождей, а на третий, хотя погода и прояснилась, Вика вновь не появилась, и это снова заставило меня волноваться. Три дня - казалось бы, пустяк, но никогда еще с начала нашей дружбы у нас не возникало столь длительных перерывов, а главное я по-прежнему не имел никакой возможности связаться с ней и узнать, все ли у нее в порядке. На четвертый день она все-таки пришла в парк, опоздав почти на полчаса - но, когда она подошла к скамейке, ее лицо не расплылось в улыбке, как обычно. После обмена приветствиями она чуть помолчала, а затем

огорошила меня известием:

- Тебя хотят убить.

- Кто?! - обалдел я.

- Моя мать. Я не хотела, чтобы она узнала про тебя, но она догадалась. Видела рисунки в моем альбоме. Теперь она знает, как ты выглядишь.

- Ты же говорила - она не опасна?

- Для меня нет. А для тебя еще как опасна.

Я не слишком верил в реальность такой угрозы. Даже если какая-то сумасшедшая и в самом деле возжаждала моей смерти, ревнуя ко мне собственную дочь, то что она может мне сделать? Она даже не знает, где я живу. Бегать по улицам с моим портретом, размахивая кухонным ножом? А вот для самой Вики такая ситуация действительно опасна ("не доставайся же ты никому", да), и то, что она эту угрозу недооценивает, лишь увеличивает риск.

- Если это серьезно, то надо заявить в милицию, - сказал я (тогда это еще была милиция).

- Там ничего не будут делать, - покачала головой Вика. - Скажут, что это все галлюцинации психически больной женщины.

- Тогда пусть ее, наконец, запрут в психушку!

- Нет оснований. Она принимает таблетки и считается неопасной для себя и окружающих.

- Угу. "Когда вас убьют, тогда и приходите", знакомая песня... Хотя мне-то она ничего сделать не может. Как я понимаю, в спецназе она не служила, снайперскую винтовку в шкафу не хранит, и знакомых киллеров у нее тоже нет...

- У нее есть Сергей Семенович.

- Кто такой Сергей Семенович? - меня удивило, что явного врага Вика называет по имени-отчеству. - Ее любовник?

- Нет. Он доктор. Психиатр.

- Ну так пусть ее и лечит! - но тут до меня дошло, что фраза "тебя хотят убить" звучала во множественном числе. - погоди, ты что, хочешь сказать, что он ее сообщник?!

- Да. Они вдвоем хотят тебя убить.

Я уставился на нее.

- Вика, но это же полный бред! Я еще могу понять, как моей смерти может желать шизофреничка, - "тем паче что это взаимно", добавил я про себя, - но психиатру-то с какой стати?! Он-то нормальный!

- Так он знает про тебя только с ее слов! Он думает, что ты - галлюцинация!

- И как же можно убить галлюцинацию? - хохотнул я. Драма на глазах превращалась в комедию абсурда - хотя я и понимал, что моей подруге, вынужденной расхлебывать весь этот бред, не до смеха.

- Таблетками, - серьезно ответила она.

И тут я сообразил, что на самом деле план ее матери, при всей нелепости исходной посылки, не так уж и смешон. Говорят, сумасшедшие бывают чертовски убедительны... хотя, возможно, это всего лишь одна из популярных баек на тему психиатрии. Но пациентке с многолетним стажем действительно должно быть нетрудно убедить своего лечащего врача, что ей требуется повышение дозы. Даже изображать симптомы не надо - просто прекратить принимать таблетки, а говорить, что принимаешь, но не помогают. И то, что не смертельно для нее, с ее выработавшейся за много лет толерантностью к препаратам, при попадании в организм нормального человека...

- То есть она хочет отравить меня ударной дозой нейролептиков, которые получит по рецепту, который ей выпишет врач, уверенный, что они нужны ей для борьбы с галлюцинациями? Могло бы сработать, если бы я собирался к ней на чай. А так - как она до меня доберется?

- Через меня, - мрачно ответила Вика.

Только тут до меня дошло, почему моя подруга не только не сообщала мне своих координат, но и упорно не хотела знать мои собственные. Она беспокоилась не о своей, а о моей безопасности! О том, чтобы ее безумная мать, некогда распугавшая всех подружек и друзей ее детства, не добралась до ее взрослого друга, которого уже не получится просто отпугнуть. О том, чтобы она, Вика, не могла выдать мой адрес даже под давлением - ни почтовый, ни электронный. Электронный был бы особенно удобен, чтобы заманить меня в ловушку, написав от ее имени... Возможно, сперва шизофреничка и в самом деле рассчитывала через Вику пригласить меня на чай с тортиком - хочу, мол, познакомиться с твоим замечательным другом. Но, коль скоро девушка раскусила ее замысел (видимо, подслушала ее разговор с психиатром), может перейти и к менее изящному плану Б...

- Ладно, - сказал я. - Ты ж понимаешь, все это имеет очень простое решение. Завтра с утра... а нет, завтра суббота, он, наверное, не принимает... значит, в понедельник мы едем к этому Сергею Семеновичу. Он увидит, что я никакая не галлюцинация, поймет, что твоя мать социально опасна, и наконец отправит ее туда, где ей самое место. Но возвращаться к ней тебе нельзя. Уж не знаю, будет она ползать перед тобой на коленях или набросится с молотком, но проверять не хочу. Поживешь у меня, пока ее не заберут в клинику. Родители против не будут, - я пока что ничего не говорил им про Вику, не желая ассоциаций с той самой историей про лицемерную мразь (самой Вике я, кстати, эту историю уже рассказал) и естественных для всяких родителей опасений, что их сын, хотя бы ему и было уже 34, может снова наступить на те же грабли. Но теперь Вика уже не была "девушкой, с которой я познакомился три часа назад" и, главное, ей уже грозила реальная опасность, если она вернется к своей сумасшедшей мамаше.

Но моя подруга лишь грустно покачала головой:

- Не получится.

- Что не получится?

- Ничего не получится.

- Почему? Ты знаешь телефон или адрес клиники Сергея Семеновича?

Вика задумалась, очевидно, пытаясь вспомнить, потом покачала головой:

- Я ему звонила в детстве, когда у нее обострения были. Но это давно было.

И тут до меня дошло кое-что еще.

- А его разговор с твоей матерью по поводу "галлюцинации" и таблеток? Ты его по параллельному телефону слышала?

- Нет.

Так я и думал! Вика слышала только реплики своей матери (очевидно, через дверь или стену), но не ответы ее абонента. А был ли вообще этот абонент? Что, если он всего лишь один из "гостей" шизофренички? То есть когда-то, конечно, врач Сергей Семенович реально существовал, Вика же ему звонила. Но это было много лет назад. Возможно, он уже на пенсии. А его бывшая пациентка то ли реально верит, что продолжает общаться с несуществующим доктором и принимать воображаемые таблетки, то ли умело врет, изображая это - опять-таки, говорят, что сумасшедшие бывают очень хитрыми... Так или иначе, таблеток она не принимает уже давно. И ее болезнь прогрессирует. И она гораздо, гораздо опаснее, чем считают все окружающие, включая ее дочь.

А чем она, в таком случае, собралась меня травить? Да мало ли какие идеи роятся в ее спутанном сознании. Если воображаемые таблетки не помогут, в ход может пойти все тот же реальный молоток или топор. И не против меня, который далеко, а против Вики, которая рядом. Возможно, в этот миг ненормальной будет казаться, что у ее дочери мое лицо...

И ведь, главное, ничего никому не докажешь, пока не станет слишком поздно.

Ладно, подумал я. Сколько бы ни было всяких служб и специалистов, а некоторые проблемы приходится решать самому. Раз, "пока не убили", никто не станет шевелиться - надо

спровоцировать убийцу. Я не Брюс Ли и не Чак Норрис, но уж с не первой молодости женщиной как-нибудь справлюсь. Само собой, если она кинется на меня с чем-то колюще-режущим, то может поранить - но я просто не дам ей взять никакое оружие. Схвачу ее за руки при первой попытке. Если она первой проявит агрессию - это даст повод вызвать милицию и скорую. А если не проявит, я просто выясню у нее телефон Сергея Семеновича и проверю, насколько тот реален. Если нет - это, опять-таки, повод обратиться к настоящим психиатрам. А если да - смотри решение предыдущей задачи. Если больную не заберут сразу, тогда мы соберем Викины вещи и уйдем. Нельзя же ей переезжать ко мне только в том, что на ней надето. Холода на носу.

- Твоя мать сейчас дома? - спросил я.

- Да. Она вообще редко из дома выходит.

- Тогда идем. Я намерен с ней встретиться. Если у нее ко мне какие-то претензии - пусть выскажет мне их в лицо.

- Но она не будет с тобой говорить!

- Не беспокойся, если она попытается наброситься на меня, то не сможет причинить вреда - зато у тебя появится повод вызвать скорую психиатрическую помощь. А если она попытается подsunуть отравленную еду или напиток, вызовешь милицию. В любом случае я прослежу, чтобы она не смогла тебе навредить.

Я опасался, что Вика станет возражать, ведь до этого она не хотела, чтобы я даже приближался к ее дому - но она лишь спросила:

- Ты действительно это сможешь?

- Смогу, - я подавил невольное смешное искушение выпятить грудь и напрячь бицепс. Не Чак Норрис, конечно, но 20 раз на перекладине все-таки подтягиваюсь.

- И мы больше не будем расставаться?

- Ну, - усмехнулся я, - не 24 часа в сутки, конечно, но не вижу, почему бы двум лучшим друзьям и единомышленникам не пожить вместе.

- Тогда идем, - сказала она.

И мы пошли. И дошли - сперва до большой улицы, на которой расставались обычно (сейчас она все еще была озарена вечерним солнцем, а не ночными огнями), потом поворот, еще поворот, проход через арку вглубь двора - и вот и он, старый пятиэтажный дом в окружении таких же старых тополей, жидковатых кустов и гаражей-"ракушек" (война на уничтожение им будет объявлена позже). Я подумал, что так и не придумал эффектную фразу, с которой начну. "Здравствуйте, я Юрий. Кажется, вы хотели меня убить?" А если она просто примет все отрицать? Скажет, что и мое имя слышит впервые, и никакого Сергея Семеновича не знает? Как вытрясти из нее правду, оставаясь в рамках закона? Где-то в доме наверняка записан телефон психиатра, но я не имею права устраивать обыск. Но Вика имеет, ведь это ее дом, а если мать попытается активно ей помешать, тут уже и у меня появится повод применить силу, заступаясь за девушку... Но сначала попробуем все-таки вежливо.

- Как зовут твою мать? - спросил я Вику. До сих пор мне как-то не приходило в голову это выяснять.

- Серафима.

- А по отчеству?

- Степановна.

Это сочетание показалось мне довольно нелепым. Впрочем, мои собственные родители рассказывали мне про работавшую в их НИИ женщину по имени Клеопатра Ивановна Поросятникова...

Домофон не работал, так что Вика просто потянула дверь на себя, и мы вошли в подъезд - в книжках в таких случаях любят писать "провонявший кошками", но нет, пахло скорее сырой затхлостью. Лифта не было, но он был нам и не нужен - первый этаж. Вика прошла направо, мимо двух рядов квадратных почтовых ящиков, из которых неряшливо торчала какая-то реклама

(некоторые были взломаны), и открыла своим ключом железную дверь с номером 3.

Мы оказались в крохотной прихожей, откуда вели две закрытые двери, прямо и налево - очевидно, в комнаты - и короткий, загибающийся влево коридор в кухню, откуда падал вечерний свет и доносился запах чего-то жареного или печеного. Мне тут же представились растолченные в порошок таблетки, высыпаемые в тесто. Впрочем, Серафима, конечно, не могла предвидеть моего визита. Но все равно - ничего здесь не есть и не пить, даже если она изобразит самое щедрое радушие!

Тут же я сообразил, что зря не подумал о возможности застать мать Вики на кухне. Весь мой расчет строился на том, что если она попытается напасть на меня, я не дам ей вооружиться. Но из кухни она может выйти уже с ножом наготове, и я не успею ей помешать. Но не успел я подать знак Вике, чтобы та молчала и дала мне пробраться на кухню и застать Серафиму врасплох, как девушка уже крикнула: "Мама!"

Из кухни вышла невысокая худощавая женщина в цветастом фартуке и с высоко взбитой прической темных волос. Выглядела она лет на 50, хотя я уже знал от Вики, что ей всего 43 - забавно, но по возрасту я был ближе к матери, чем к дочери - так что я и не ожидал увидеть старуху, но полагал, что она толстая ("почти не выходит из дома", да и чем ей еще заняться в перерывах между приступами, кроме как едой?). Ну что ж - бывает такой метаболизм, при котором люди не толстеют в принципе. Ножа в руке у нее не было. Безумного блеска в глазах тоже. Ну а чего я ожидал - что она будет рычать и бегать на четвереньках? Тогда бы ее давно госпитализировали, и у нас с Викой не было бы проблемы...

Впрочем, при виде меня рот ее удивленно приоткрылся, и вся она застыла живым олицетворением вопроса.

- Здравствуйте, Серафима Степановна, - сказал я, не давая ей опомниться. - Я Юрий, друг вашей дочери. Полагаю, нам необходимо поговорить.

Так себе получилось начало, прямо скажем. Ни грозных обвинений, ни саркастической язвительности. Все-таки одно дело - придумывать эффектные фразы за своих героев, сидя за компьютером, и совсем другое - импровизировать в реальной жизни, особенно общаясь с незнакомым человеком, от которого в любую секунду можно ожидать чего угодно. До этого я вообще видел психически больных только в кино, причем не документальном, а художественном.

Однако на нее и это невыразительное вступление, похоже, произвело впечатление. Ее рот открылся еще больше, а глаза принялись обшаривать меня с головы до ног, словно я был не человеком, а серым гуманоидом, явившимся в ее прихожую напрямиком со страниц таблоида.

- Вы... - выдавила она из себя наконец, - вы Юрий? Вы... живой?

Тут было самое время съязвить: "Живой, и останусь таковым, несмотря на ваши намерения, которые мне прекрасно известны!", но злобы и ненависти в ее голосе не было - только растерянность и удивление. Впрочем, конечно, она шизофреник, и ее реакция может быть сколь угодно неадекватной...

Но прежде, чем я успел решить, выкладывать мне свои обвинения или повременить, в помещении раздался еще один, столь же изумленный голос:

- Ма-ам? Ты его видишь?

Я резко повернулся. Теперь уже и Вика смотрела на меня таким же взглядом - а точнее, переводила этот взгляд с меня на свою мать, словно в серых гуманоидов превратились уже мы оба!

И тут я сделал то, чего не делал ни разу за все время нашей дружбы. Со словами "Вик, ты чего?" я успокаивающе взял ее за руку.

Реакция была поразительной. Девушка, лицо которой всегда расплывалось в счастливой улыбке при виде меня, с криком вырвала руку, бросилась в дверь комнаты и захлопнула ее за собой.

Теперь челюсть отвисла и глаза округлились уже у меня.

- Что это с ней? - я растерянно повернулся к женщине, которую еще минуту назад считал последним человеком, способным давать адекватные ответы.

- Вы не знали? - устало вздохнула Серафима Степановна. - Ну конечно же, вы не знали. Идемте на кухню. Нам, как вы и сказали, надо поговорить.

Я прошел за ней в маленькую кухоньку (кажется, в этой квартире все помещения были маленькими). За стеклом духовки румянился кекс. Женщина подошла к разделочному столу, на котором стояла деревянная стойка с ножами, но у меня уже не было мысли, что она сейчас схватит один из них (позже я, кстати, заметил, что концы у всех ножей скругленные). Действительно, она взяла не нож, а лежавший на том же столике мобильный телефон.

- Точнее, - сказала она и принялась тыкать кнопки, - вам надо поговорить даже не со мной, а... Сергей Семенович? Здравствуйте. Вы понимаете, у меня тут Юрий. Тот самый, которого мы с вами обсуждали... нет, нет! То-то и оно, что нет! Вы ошибались. Мы оба ошибались. Он настоящий! Он стоит сейчас рядом со мной. Да, конечно, принимала! Сейчас я дам ему трубку, и вы сами сможете с ним поговорить. Пожалуйста, расскажите ему все про Нику... и про меня тоже. Ответьте на все вопросы, которые у него будут.

Она протянула телефон мне со словами: - Это Сергей Семенович. Ее психиатр, - а затем добавила: - Вам, может, неудобно будет при мне, так я выйду. Подслушивать не буду, не волнуйтесь.

- А... - я с кривой усмешкой кивнул на кекс, - не сторгит?

- Там таймер, - ответила она и вышла из кухни.

Я взял трубку.

- Алло?

- Вы Юрий? - спросил мягкий, чуть грубоватый голос немолодого мужчины.

- Да.

- Скажите пожалуйста, как давно вы знаете Нику?

- Вы имеете в виду Вику?

- Вам она представилась Викой?

- Да... то есть нет. Это я сам так ее назвал. А она не стала возражать.

Тут же я понял, что она не врала мне в том числе и в этом. Ведь Виктория и Ника - это, фактически, синонимы. "Победа" на латыни и греческом, соответственно...

- Так как давно? - поторопил голос.

- С конца июня.

- Можете вспомнить точную дату?

- Двадцать какое-то... это важно?

- Ну, в общем, да. Вы понимаете, ваше появление совпало с прекращением приема препаратов. Что и породило, некоторым образом, ошибочную трактовку событий... всеми заинтересованными сторонами.

- В тот день она поругалась с матерью из-за того, что ушла из художки. Хотя уже даже не знаю, училась ли она там...

- Училась. После первого курса брала академический отпуск, потом восстановилась, но после второго все же ушла совсем... Но, наверное, лучше рассказать вам все с самого начала. Это, конечно, в некотором роде нарушает врачебную тайну, но я вынужден пойти на это в интересах пациентки. Ибо, насколько я понимаю, у вас с ней сложились очень доверительные отношения, и вы приобрели на нее значительное влияние - а потому, если не будете понимать в полной мере характер ее болезни, можете невольно способствовать ухудшению ее состояния...

И он действительно рассказал мне все и ответил на все мои вопросы.

Насчет своей матери Вика (все-таки для меня она Вика) тоже не врала. Серафима Степановна - шизофреничка, с юности сидящая на таблетках. С периодическими обострениями.

Плюс истероидный темперамент в придачу.

Но склонность к шизофрении передается по наследству.

Вике поставили диагноз в 11 лет, когда стало окончательно ясно, что ее "Виталий" - не просто воображаемый друг, какие бывают у многих детей, а устойчивая галлюцинация. Детская психика хорошо поддавалась воздействию препаратов. В ее медицинской карте появились ободряющие записи о положительной динамике.

Ее лучший, а к тому времени уже и единственный, друг исчез. Навсегда.

С тех пор она считала врачей своими врагами, против которых, однако, опасно поднимать открытый бунт, чтобы не упрятали в стационар. Ну и... не совсем врагами все-таки. Ибо, если не принимать препараты совсем, то... не все галлюцинации были приятны.

По ее рисункам это было видно очень хорошо.

Какое-то время она все же пыталась вписаться в общество, отторгавшее ее и отторгаемое ей (и причиной этого отторжения была отнюдь не только ее болезнь, успешно купируемая таблетками - уж мне ли, всю жизнь бывшему такой же "белой вороной" без всякой шизофрении, этого не знать!) Получалось плохо. Она ненавидела ложь и притворство. Она презирала сверстников (обоего пола) за их примитивность, глупость, похоть, вульгарность, стадность - а старших за их лицемерие, косность, трусость, конформизм, отсутствие воображения и уверенность в своем праве контролировать других. Несколько раз она все-таки пыталась заводить дружбу с теми, кто казался ей выделяющимся из этой серой массы - но всякий раз это кончалось разочарованием. В конце концов она вновь утвердилась в выводе, к которому уже приходила в детстве - реальные люди подведут и предадут всегда. Только воображаемые друзья - настоящие.

В 21 она решилась на прямой бунт. Бросила училище, где ее бесили и препода, и одноклассники. Прекратила принимать таблетки.

И встретила меня.

Не случайного прохожего на улице, а того единственного, кто должен был прийти на ее зов из глубин ее собственного воображения.

Встретила на пике отчаяния, готовая покончить с собой, если этого не произойдет. Она не говорила этого доктору, не говорила открытым текстом даже мне, но, думаю, так оно и было.

Теперь я понимал, как она проверяла меня. Официант в кофейне не заговорил со мной - значит, он меня "не видит". Я сказал, что мне не нужно спрашивать ее имя, а потом продемонстрировал, что и в самом деле знаю его (ну почти, с точностью до разницы между греческим и латинским, но ей этого было достаточно). Я никогда не покупал никакой еды и напитков в ее присутствии - всего-то из экономии, а она думала, что я, как и положено воображаемому другу, в принципе в этом не нуждаюсь.

И, конечно же, я не делал того, что рано или поздно сделал бы, наверное, любой парень на моем месте. Сексуально озабоченный попытался бы лапать или целоваться, и даже самый чистый романтик решился бы обнять или взять за руку. И только я ни разу до нее не дотронулся. Мне была интересна ее личность, и я любовался ее внешностью, как любят прекрасной картиной или цветущим лугом, но мне был абсолютно не нужен физический контакт.

Вызывающий у нее лишь отторжение.

Было ли оно настолько сильным, что именно по этой причине она не проделала этот простейший тест сама, подтверждая мою "воображаемость" окольными путями? Думаю, все же нет - невозможно жить в густонаселенном городе, никогда не прикасаясь к людям даже случайно. Просто она слишком боялась очередного разочарования - ну и, наверное, боялась спровоцировать очередного похотливого козла, который воспринял бы даже невинное прикосновение как приглашение. А когда она окончательно уверилась, что я - не козел, в дополнительных проверках уже не было нужды.

Те дни, когда она не приходила на наши встречи, не имели, разумеется, никакого

отношения к менструациям. Это были дни, когда ей не удавалось уклониться от приема таблеток. Она думала, что, придя в парк в такой день, увидит вместо меня пустую скамейку.

И понятно, конечно, что она подразумевала под моим убийством. Если ее вновь заставят принимать таблетки не время от времени, а каждый день...

Слушая доктора, я понял кое-что еще. Она действительно ни разу не соврала мне. Она - не знаю даже, сознательно или подсознательно - следовала невесть откуда взятому правилу "не говорить воображаемому другу, что он воображаемый", но при этом всегда строила фразы так, что ее нельзя было упрекнуть во лжи. "Ты знаешь телефон Сергея Семеновича? - Я ему звонила в детстве, но это давно было." Где здесь сказано "не знаю" или что после этих давних звонков не было более свежих? "Ты слышала их разговор по параллельному телефону? - Нет." Чистая правда - это не был телефонный разговор, он велся в ее присутствии! "Менты скажут, что это галлюцинации психически больной женщины", "Сергей Семенович думает, что ты галлюцинация" - где здесь сказано, что речь о галлюцинациях матери, а не дочери? "Мать не будет с тобой говорить" - не потому, что не захочет, а потому, что не увидит и не услышит... И даже "писала, но письмо не дошло" - потому что было написано, но не отправлено. Она же не знала, что мой электронный адрес реален, и, наверное, думала, что воображаемому другу достаточно текста на ее собственном экране... И все эти формулировки она мгновенно подбирала на ходу. Блестящий ум!

Блестящий больной ум...

Только воображаемые друзья не предают. Увы - я лишь подтвердил эту формулу. Выслушав все разъяснения, я трусливо сбежал, аккуратно положив телефон обратно на столик. Серафима не ждала меня в прихожей, видимо, предвидя такой итог и не желая умножать мою неловкость. Спасибо ей за это.

Вика тоже не вышла из своей комнаты, когда я выскальзывал за дверь. Но, думаю, ее шок бы быстро прошел, и она бы смирилась с тем, что я реальный. После тех трех чудесных месяцев, что у нас были, она бы, наверное, даже нашла в этом положительные стороны. Возможно - много положительных сторон.

Но я просто не знаю, как дружить с психически больной девушкой, которая три месяца считала меня своей галлюцинацией и у которой в любой момент может начаться обострение. Я, в отличие от нее, не мог найти никаких положительных сторон в открывшейся мне правде.

Я больше никогда не был в том парке. Даже спустя три года, когда я уже готовил свою эмиграцию и оформлял загранпаспорт в отделении милиции, кратчайшая дорога к которому лежит как раз через этот парк - я обходил его стороной. Хотя, конечно, понимал, что уже не увижу на обращенной на закат скамейке одинокой девичьей фигурки.

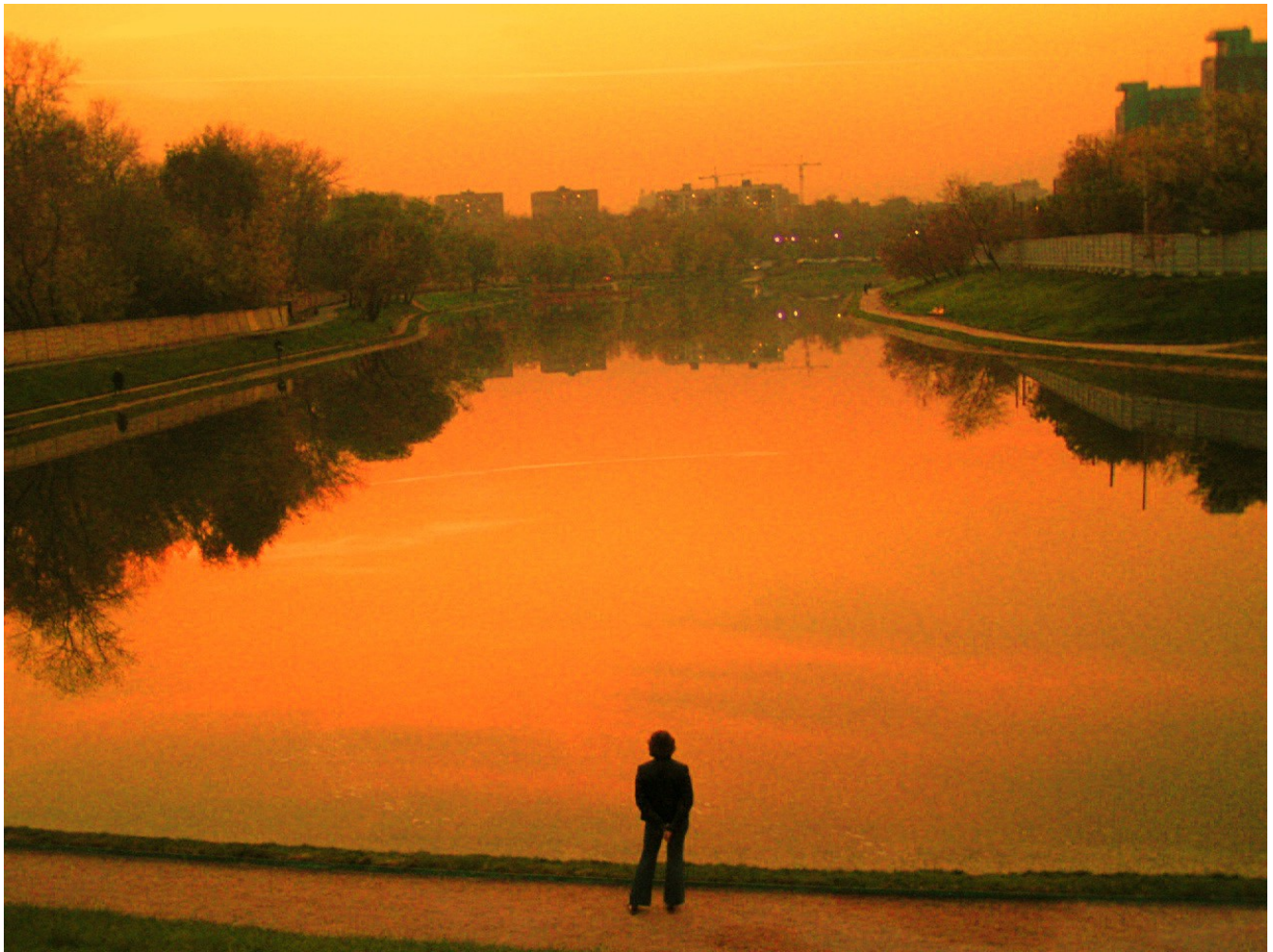
По имени и цитатам из моих стихов, которые я читал ей, меня можно было бы найти через интернет, но меня никто не искал.

И все же меня занимает одна мысль. В то лето Вика прекратила (ну, почти прекратила) принимать препараты, потому что думала, что обеспечивает таким образом мое существование. Но это было не так. На самом деле у нее не было воображаемых друзей или "гостей". Не было галлюцинаций, несмотря на отсутствие таблеток. Все эти три месяца нашей дружбы она оставалась совершенно нормальной.

Но это, конечно, не более чем совпадение - временная ремиссия. Шизофрения - хроническое заболевание. Она не лечится, и уж тем более не проходит сама под действием каких-то там эмоций. Она лишь купируется лекарствами, которые необходимо принимать пожизненно.

Хотя - что я знаю о психиатрии?

Что знаем о ней мы все?

Вид с той самой скамейки

Песня Янки Дягилевой "По трамвайным рельсам"